

СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ И БИОЛОГИЯ МОРАЛИ

2014.04.007–008. КРИТИКА СОЦИОЛОГИИ МОРАЛЬНОГО УПАДКА: НАСЛЕДИЕ ДЮРКГЕЙМА И НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ, ЭМОЦИИ, ТЕЛО И ИДЕНТИЧНОСТЬ¹. (Сводный реферат).

2014.04.007. HOOKWAY N. Emotions, body and self: Critiquing moral decline sociology // *Sociology*. – L., 2013. – Vol. 47, N 4. – P. 841–857.

2014.04.008. HOOKWAY N. Moral decline sociology: Critiquing the legacy of Durkheim // *J. of sociology*. – Thousand Oaks (CA), 2014. – Jan. 20. – P. 1–14. – Mode of access: <http://intl-jos.sagepub.com/content/early/2014/01/20/1440783313514644.full.pdf+html>

Ключевые слова: социология морального упадка; терапевтическая культура; моральный порядок; этика; Э. Дюркгейм; эмоции; телесность; самосовершенствование.

Николас Хуквэй (Университет Тасмании, г. Хобарт, Австралия) анализирует социологические концепции, главным тезисом которых является утверждение, что в западноевропейских обществах мораль находится в состоянии упадка или кризиса. Автор выделяет два доминирующих направления в так называемой социологии морального упадка. Сторонников первого из них он называет «культурными пессимистами», к числу которых относит Д. Белла, К. Лэша, Ф. Риффа, приверженцев второго направления – «сторон-

---

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма (в приложении к российским сообществам)», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00381 а).

никами общины или сообщества», или «коммунарами», причисляя к ним Р. Беллу, А. Этzioni и А. Макинтайра. Диагноз морального кризиса основан на предположении о том, что общество является единственным и необходимым источником морали, тогда как в современном обществе основные элементы, поддерживающие сильную мораль, находятся в стадии разложения. Культурные пессимисты связывают моральный кризис с упадком религии и традиционных форм власти / авторитета, в результате чего люди становятся нарциссичными, равнодушными и поддаются под воздействие «терапевтической» культуры, в рамках которой «совершенствование Я становится основной проблемой»¹. Коммунары же считают причиной морального упадка разрушение сообществ и вытекающий отсюда моральный индивидуализм, что подрывает общую мораль и разделяемое чувство ответственности перед другими². Эти социологи не рассматривают эмоциональную культуру, культуру телесности и «культуру личностной аутентичности» (self-authenticity culture) как источники моральных действий в современном мире. Основываясь на критических аргументах З. Баумана, С. Ахмед, Л. Иригари и С. Тэйлора, автор статьи утверждает, что представители обоих направлений в социологии морального упадка рисуют чрезмерно мрачную картину современной морали. Они игнорируют представление о современном обществе как о «морально-молчащем» (morality-silencing), отрицают этическое значение индивидуального Я, эмоций и телесности, а также терапевтические идеалы самосовершенствования [007, с. 841].

Обе группы социологов подчеркивают ослабление прежних форм власти / авторитета и прочих традиционных отношений. Ключевым различием между ними, по мнению Хуквэя, служит то,

---

¹ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. – N.Y.: Basic books, 1976; Lasch C. The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. – N.Y.: Norton, 1979; Reiff Ph. The triumph of the therapeutic: Uses of faith after Freud. – N.Y.: Harper & Row, 1987.

² Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. – Berkeley: Univ. of California press, 1996; Etzioni A. The spirit of community: The reinvention of American society. – L.: Simon & Schuster, 1994; Etzioni A. On social and moral revival // J. of political philosophy. – Oxford, 2001. – Vol. 9, N 3. – P. 356–371; MacIntyre A. After virtue: A study in moral theory. – L.: Duckworth, 1985.

что культурные пессимисты главной объяснительной причиной ослабления морали считают культурные трансформации и подъем терапевтического этоса, а коммунары объясняют моральный упадок отсутствием моральных оснований для социальных действий, что является следствием разрушения общинных или первичных связей и традиций. При этом последние в качестве «лекарства» от морального указывают на необходимость восстановления сообществ, соседских отношений, гражданских связей и чувства социальной ответственности.

Автор оспаривает положения обоих направлений социологии морального упадка на том основании, что они: 1) представляют романтизированную картину общества с развитой моралью; 2) не рассматривают моральную продуктивность эмоций и телесности; 3) не учитывают потенциал практик самосовершенствования и достижения аутентичности как позитивных в моральном отношении культурных ценностей [007, с. 842].

Хуквэй подробно рассматривает работы представителей социологии морального упадка. Ф. Рифф, К. Лэш и Д. Белл, которых он считает ключевыми фигурами лагеря культурных пессимистов, в первую очередь отмечают негативные последствия современного индивидуализма. Рифф описывает рождение и возвышение так называемого «психологического человека» (*psychological man*), который охраняет свою частную жизнь и имеет гедонистические и нарциссические установки¹. Распространяется так называемая «терапевтическая» культура, направленная на личные переживания индивида, которые он может обсуждать со своим психотерапевтом. Функцией культуры, по Риффу, является четкая моральная регуляция поведения, формирование морального характера у индивидов путем ориентации на группу и общество в целом. Современная же терапевтическая культура не репрессивна, она является освобождающей, прощающей. Моральные проблемы трансформируются в аналитические дилеммы, которые индивид решает в целях самореализации. Мораль, по сути, превращается в управление собственными эмоциями под руководством терапевта, а моральные проблемы становятся внутренними индивидуальными проблемами

---

¹ Reiff Ph. *The triumph of the therapeutic: Uses of faith after Freud.* – N.Y.: Harper & Row, 1987.

совладания со страхами и тревогами. В обществе формируется культура «экспрессивного индивидуализма» и самовыражения, а эмоции рассматриваются как деструктивная сила, нуждающаяся в управлении и контроле [007, с. 843].

Д. Белл полагает, что для современного человека мораль представляет собой что-то вроде развлечения или игры (*fun morality*). Культура консьюмеризма разрушает протестантскую культуру и ведет к материальному гедонизму, акцентируя стремление к индивидуальному счастью и благополучию. Мораль сфокусирована не на том, чего *нельзя*, а на том, что *можно*, и основана на фрагментации общих ценностей. Культура теряет свою функцию поддержания человеческой жизни, она превращается в культуру освобождения, отказа принять ограничения, что является моральной катастрофой¹. К. Лэш также полагает, что разрушение традиционных форм власти и авторитета имеет катастрофически печальные последствия для идентичности индивидов. Вслед за Риффом и Беллом Лэш пишет, что ослабление традиционных форм авторитета ведет к дисбалансу между ограничением и индивидуальным импульсом; моральный климат современного общества подразумевает интенсивную занятость своим Я и нарциссизм². Культура нарциссизма порождает тревогу, депрессию и чувство пустоты вследствие противоречия между подчинением правилам и отсутствием авторитетных моральных ожиданий. По Лэшу, индивидуальное психическое здоровье становится альтернативой религиозному спасению. Вести здоровый образ жизни означает быть в ладу со своими чувствами, преодолевать страх и тревогу, так что следование этим правилам замещает подлинную мораль. Все это симптомы болезни общества. Таким образом, с позиции Лэша, Риффа и Белла, современное аморальное общество порождает нарциссическое Я, которому позволено создавать собственный набор правил, когда слово «нет» исчезает из морального словаря, поскольку ослабляются моральные авторитеты [007, с. 844–845].

Сторонники сообщества, или коммунары, считают основной причиной морального упадка разрушение сообществ и первичных

---

¹ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. – N.Y.: Basic books, 1976. – P. 170.

² Lasch C. The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. – N.Y.: Norton, 1979. – P. 11–12.

связей. Современному обществу недостает морального консенсуса, ослабляется чувство ответственности перед другими людьми. По Этциони, сообщество является основным источником морального голоса, моральные стремления возникают только как следствие членства в коллективе¹. Сообщество создается посредством двух элементов: аффективных и устойчивых социальных отношений и приверженности системе ценностей, основанной на общей истории и идентичности². Но эти элементы разрушаются в современных обществах, и хотя связи между людьми не исчезают, они становятся морально тривиальными, поскольку основаны на функциональной взаимозависимости. Люди связаны, но не создают морального порядка, этикет имеет только опосредованное отношение к основным моральным вопросам, таким как неравенство, развитие технологий, международная политика и др. Иными словами, западное общество живет в преддверии моральной анархии.

Р. Белла и его коллеги также рассуждают в алармистском стиле. Индивидуализм разрастается как раковая опухоль, а социальная солидарность разрушается³. Моральная ответственность становится ответственностью индивида перед самим собой, а его индивидуальное Я и собственные чувства играют роль единственного морального регулятора. Индивидуализм становится господствующей идеологией и мешает восприятию общего блага и общих ценностей. А. Макинтайр полагает, что сегодня люди утрачивают моральный словарь, необходимый для исполнения социальных ролей и связанных с ними обязанностей, которые и создают моральную жизнь⁴. Поэтому в современном обществе распространены следующие социальные характеры: *эстет*, ценящий только свои удовольствия; *менеджер*, нацеленный на эффективность и собственный успех; *терапевт* как специалист по работе над чувствами.

---

¹ Etzioni A. The spirit of community: The reinvention of American society. – L.: Simon & Schuster, 1994. – P. 31.

² Etzioni A. On social and moral revival // J. of political philosophy. – Oxford, 2001. – Vol. 9, N 3. – P. 359.

³ Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. – Berkeley: Univ. of California press, 1996. – P. 89, 129.

⁴ MacIntyre A. After virtue: A study in moral theory. – L.: Duckworth, 1985. – P. 220.

В моральном смысле перечисленные характеры являются пустой оболочкой, они нацелены на манипуляцию отношениями. Современные индивиды обладают «эмотивистским Я» (emotivist self), которое как будто принимает моральные решения, но не содержит сущностных моральных элементов¹.

Таким образом, подчеркивает Хуквэй, коммунары не видят в индивиде источника морали. С их точки зрения, мораль не может порождаться десоциализированным и эмоциональным Я, которое подчинено собственным импульсам и желаниям. Источником морали, по их мнению, являются согласованные стандарты верного / неверного, установленные ценности, передаваемые сообществом. Акцент на эмоциональной жизни и поисках себя ведет к пустой морали и чувству бессмысленности². Поэтому мораль должна быть восстановлена посредством поддержки семейных, религиозных и политических институтов и восстановления сообществ [007, с. 846–848].

Автор статьи подвергает критике положения и выводы социологии морального упадка – в частности, тот факт, что коммунары не видят в сообществе потенциального источника аморальных действий и разрушительных социальных явлений. Здесь Хуквэй апеллирует к позиции З. Баумана, который считал, что в таком прочтении община или сообщество лишают морального выбора самого индивида и диктуют ему свою волю, заглушая другие «моральные голоса». В этом случае возникает вопрос: как быть с теми, кто не принадлежит данному сообществу? По мнению автора статьи, современные социологи морального упадка рассматривают эмоции, Я и телесность как феномены, враждебные морали, и игнорируют их функциональное значение. Эти социологические концепции представляют собой «маскулинный» дискурс власти и подавления, отражают гендерное неравенство, обличают современную культуру с ее феминным, терапевтическим дискурсом, основанным на заботе [007, с. 849–850].

---

¹ MacIntyre A. *After virtue: A study in moral theory*. – L.: Duckworth, 1985. – P. 32.

² *Habits of the heart: Individualism and commitment in American life* / Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. – Berkeley: Univ. of California press, 1996. – P. 163.

Бауман считает эмоции и чувства ключевыми в постмодернистской этике, центральными «драйверами» морального выбора в стремлении подтвердить свою идентичность¹. Мораль предстает не только как социально сконструированная обществом, традицией, законом, но скорее как предмет моральных чувств, управляемых ответственностью перед Другим². С. Ахмед полагает, что эмоции глубоко вплетены в отношения между людьми и являются не просто психологическими феноменами, но механизмами регулирования отношений, поскольку всегда направлены на других людей и на важные для них объекты. Эмоции «перформативны», они сами создают действия и социальные явления³. Эмоциональная рефлексивность и эмоциональная деятельность играют большую роль в формировании индивидуального Я и служат источником моральных действий. Кроме того, эмоции «пишутся» на нашем теле и теле другого человека, являются языком моральной коммуникации⁴. Л. Иригари ставит тело в центр этического взаимодействия, поскольку на основе телесности создается взаимность, особенно через сексуальность, желание и прикосновение к телу⁵. Ахмед и Иригари дополняют концепцию абстрактного Другого З. Баумана концептуализацией языка тела и эмоций в социальных отношениях.

Н. Хуквэй настаивает, что современная терапевтическая культура может способствовать морали, пробуждать справедливость и заботу, поскольку обеспечивает язык и легитимность для выражения чувств, которые в случае их аморальности могут быть преодолены. Кроме того, здоровый образ жизни, здоровое питание, гимнастические практики (например, йога), как направленные на заботу о себе и индивидуальное благополучие, не противоречат морали. Индивидуальное Я рождается во взаимодействиях с другими людьми, поэтому и этика самореализации и самосовершенствования может быть источником морального действия. Ч. Тэйлор,

---

¹ Bauman Z. *Postmodern ethics*. – Cambridge (MA): Blackwell, 1993. – P. 67.

² Bauman Z. *Life in fragments: Essays in postmodern morality*. – Cambridge (MA): Blackwell, 1995. – P. 62.

³ Ahmed S. *Collective feelings, or, the impressions left by others // Theory, culture a. society*. – L., 2004. – Vol. 21, N 2. – P. 25–42.

⁴ Ahmed S. *Cultural politics of emotion*. – L.: Routledge, 2004.

⁵ Irigaray L. *Questions to Emmanuel Levinas // The Irigaray reader / Ed. by L. Irigaray, M. Whitford*. – Cambridge (MA): Blackwell, 1991. – P. 178–189.

как и З. Бауман, рисует оптимистическую картину культуры, построенной на креативном потенциале и свободе морального Я. Этический идеал аутентичности или подлинности, подразумевающий открытие себя, самореализацию и личное совершенствование (быть самим собой), играет важную роль в западной культуре. Этот идеал призывает к более насыщенной и яркой форме существования, которая в то же время порождает ответственность перед самим собой. Он уравнивает творческую и нонконформистскую аутентичность и внешние отношения, тем самым их развивая¹. Поэтому общество в целом и сообщества в частности не являются единственной моральной силой. Поэтому при рассмотрении морали современного общества важно учитывать моральную силу эмоций и моральную идентичность индивидов, которая порождается практиками самосовершенствования в терапевтической культуре [007, с. 852–853].

В другой статье, нашедшей отражение в настоящем реферате, Н. Хуквэй доказывает, что современная социология морального упадка строится на положениях социологии Э. Дюркгейма о моральном кризисе современного общества [008]. Этот кризис коренится в возрастании индивидуализма и проявлении асоциальной стороны человеческой природы, вызывая необходимость установления новой сильной морали, которая обеспечивала бы социальную солидарность. Работы Дюркгейма заложили фундаментальные основы для социологического изучения морали, и его подход был доминирующим. Автор показывает, что культурные пессимисты и коммунары являются наследниками этого подхода и создателями особого жанра в социологии, в рамках которого обосновываются такие процессы, как утрата морали, моральный коллапс и моральная фрагментация.

Большинство социологов-классиков интересовались влиянием модернизации на моральную жизнь и этику, но именно Дюркгейм создал социологическую «науку о морали» и рассматривал мораль как «социальный факт», закрепленный в идеях, верованиях и чувствах людей. По Дюркгейму, индивиды выполняют свои моральные обязательства как члены коллектива: «Когда я выполняю

---

¹ Taylor C. The ethics of authenticity. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1992.

мои обязательства как брат, муж или гражданин... я представляю обязанности, которые определяются извне, независимо от моего Я и моих действий, законом и привычкой»¹. Индивиды являются моральными существами, поскольку они существа социальные. Моральный и социальный порядки зависят у Дюркгейма от неутолимых чувственных appetitов, которые захватывают индивидов в современном обществе и которые контролируются внешними социальными ограничениями. Человек есть *homo duplex*, в котором борются две сущности – социальная и биологическая, тело и душа, чувства и чувственные желания, с одной стороны, и интеллектуальная и моральная жизнь – с другой. Цель общества – поддерживать стабильность и сплоченность путем эффективной регуляции и интеграции досоциального Я, побуждать его к соблюдению социальных норм и ценностей. Общество, пишет Дюркгейм, «говорит с нами голосом требований, который призывает нас изменить свою собственную природу, и может происходить только из природы, отличной от нашей, и доминирует над нами»². Религия играет ключевую роль как внешний источник моральных идей и регулятивный механизм, поддерживающий стабильные и сплоченные общества. Дюркгейм подразумевал, что мораль коренится в цепи «общество–религия», поэтому упадок религии обозначает распад морали. Французский социолог полагал, что индивидуализм и секуляризация разрушают авторитетные ограничения, которые скрепляли общества традиционного типа. Именно кризис морали в условиях модерна вызывал озабоченность Дюркгейма, который расценивал этот кризис как болезнь общества и описывал его как «тревожную бедность морали»³. В современных индустриальных обществах стираются границы социальных норм, теряется моральная ориентация. Ослабление традиции и сплоченных сообществ может иметь своим следствием бесконтрольное удовлетворение эгоистических желаний и телесных импульсов, создавая норматив-

---

¹ Durkheim E. *The rules of sociological method*. – N.Y.: Free press, 1982. – P. 50.

² Цит. по: Bauman Z. *Durkheim's society revisited* // *The Cambridge companion to Durkheim* / Ed. by J.C. Alexander, Ph.D. Smith. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – P. 371.

³ Durkheim E. *The division of labor in society*. – N.Y.: Free press, 1997. – P. 339.

ный вакуум, в котором имеет место война всех против всех [008, с. 2–3].

Дюркгеймовский пессимизм, связанный с моральным кризисом современных обществ, напрямую отразился в характере и содержании описанных выше течений в социологии наших дней, считает Хуквэй. Он подчеркивает, что культурные пессимисты – Ф. Рифф, Д. Белл, К. Лэш и Э. Дюркгейм – имели глубокие интеллектуальные связи с еврейской интеллектуальной культурой, поэтому возлагали надежды на религиозные авторитеты и ограничивающий и репрессивный характер культуры (и, соответственно, морали) в период морального кризиса. Рифф разделяет дюркгеймовское представление о человеке и полагает, что моральный кризис связан с возвышением культуры чувственности, экспрессивного индивидуализма и индивидуальной самореализации. Сходным образом Лэш и Белл связывают упадок морали с исчезновением религиозных идеалов и наступлением «патологической» культуры самосовершенствования. Белл подчеркивает, что индивиды отказываются ставить предел своим желаниям, что является отражением представлений Дюркгейма о человеке как о двойственной реальности, когда «ничего не запрещено, а требует познания»¹. Лэш и Белл полагают, что при отсутствии традиционных авторитетов / власти возникает психологический дисбаланс между контролем и реализацией, между запретами и вознаграждениями, между импульсами и ограничениями. Дж. Кэррол, также принадлежащий к этому лагерю, вслед за Дюркгеймом рассматривает изменения в системах смысла современного общества и отсутствие ответов на смыслодержущие жизненные вопросы (например, о смерти). Все это в совокупности погружает людей западных обществ в пучину отчаяния и нигилизма² [008, с. 4].

В отличие от культурных пессимистов с их акцентом на культурных изменениях, коммунары фокусируются на том, что общество потребления ослабляет моральный авторитет сообществ. Этциони, Белла и Макинтайр полагают, что современное общество разрушает практики уважения, заботы, помощи другим и ответст-

---

¹ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. – N.Y.: Basic books, 1976. – P. 50.

² Carroll J. The existential Jesus. – Melbourne: Scribe, 2007. – P. 8.

венности перед ними. Они пессимистически смотрят на «рефлексивный» индивидуализм и вслед за Дюркгеймом утверждают, что в современных обществах ослаблена моральная социализация. Этzioni убежден, что только в сообществе индивид может обрести ценностно-нормативную ориентацию, но индивидуализм разрушает первичные связи¹. Белла соглашается с этим утверждением, отмечая, что Я и его чувства становятся теперь единственным моральным ориентиром². Философская социология Макинтайра согласуется с идеями Дюркгейма в том, что не укорененное в сообществе Я теряет моральную опору. Таким образом, сторонники лагеря коммунаров наследуют социологическую идею Дюркгейма о том, что индивид не имеет значения вне коллектива, сообщества или общества, а человеческое Я обретает смысл и моральное единство только в отношении существующих моральных обязанностей, ожиданий и ответственности, которые рождаются вне его самого. Именно восстановление авторитета сообществ обещает вероятный выход из морального кризиса, т.е. необходимо осуществить «перустановку» морали через традиционные социальные основания образования, семьи, религии и политики [008, с. 5–6].

Далее автор статьи критикует три основных предположения относительно морали, которые содержатся в теоретической системе Дюркгейма и на которых держится социология морального упадка наших дней. Это взгляды на человеческую природу и Я, происхождение морали и ее функции. Эти идеи Дюркгейма отражают его недоверие к индивиду, его эмоциям и телу, они представляют романтизированную картину связи «общество–мораль», принцип строгого подчинения морали, акцент на моральных функциях, а не на *содержании* моральных представлений. Оспаривая эти положения, на которых базируется диагноз морального упадка, Хуквэй надеется продемонстрировать негативизм социологизма, заложить основы концептуального взгляда на современного человека как на морального агента и продемонстрировать возможность более позитивного взгляда на моральную культуру современного

---

¹ Etzioni A. The spirit of community: The reinvention of American society. – L.: Simon & Schuster, 1994. – P. 31.

² Habits of the heart: Individualism and commitment in American life / Belah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M. – Berkeley: Univ. of California press, 1996. – P. 76.

общества (на основе перечисленных выше работ З. Баумана, Ч. Тэйлора, С. Ахмед и Л. Иригари).

Автор статьи считает, что Дюркгейм рассматривал природу человека в гоббсовском стиле – как животную, антисоциальную и аморальную и потому нуждающуюся в ограничениях со стороны морального порядка общества. Как следствие индивидуальные эмоции, чувства и телесные ощущения рассматриваются как враждебные и даже вредные для морали. В отсутствие и слабости санкционирующих структур общества и отдельных сообществ нерегулируемое тело, Я и его страсти являются всегда «профанными» – и никогда «сакральными». Хуквэй полагает, что именно так понимают Дюркгейма коммунары и культурные пессимисты: для них свобода Я и чувств означает высвобождение агрессии и неконтролируемых желаний, которые могут быть направлены в позитивное русло только под воздействием ценностей и целей сообщества. Эти социологи отказываются признать тот факт, что эмоции имеют моральное происхождение и сами могут способствовать моральному порядку. Принимая тезис Дюркгейма о том, что эмоции, возникающие в ритуалах, функциональны в отношении социальной солидарности, эти теоретики одновременно упускают возможность рассмотрения моральных чувств индивида как источника моральных действий. Представители обоих лагерей социологии морального упадка не замечают также, что современная психотерапевтическая культура в определенном отношении может быть функциональной применительно к морали. Однако, например, К. Райт полагает, что такая культура воспитывает стойкость, достоинство, способность преодолевать страдания, ответственность за свои поступки; она препятствует подавлению сильных чувств и создает язык, чтобы говорить о своих переживаниях, в том числе – и о несправедливости и моральных страданиях¹ [008, с. 7–8].

Почему практики самосовершенствования надо рассматривать как исключительно аморальные, спрашивает автор, тем более что мы не рассматриваем в таком ключе интроспективные восточные практики (например, йогу), которые по своей сущности связаны именно с социальной солидарностью? Эти практики не являются

---

¹ Wright K. Theorizing therapeutic culture: Past influences, future directions // J. of sociology. – Thousand Oaks (CA), 2008. – Vol. 44, N 1. – P. 321–336.

ся нарциссичными, они позволяют индивиду вернуть смысл своей жизни, соответствовать моральным идеалам и даже проявить творческое начало, адаптируясь к миру. Согласно автору статьи, современная социальная теория должна отказаться от дюркгеймовской трактовки самосовершенствования в качестве аморальной практики и признать, что это на самом деле есть способ интеграции в моральный порядок [008, с. 9].

По Дюркгейму, мораль рождается из того, что является внешним по отношению к индивиду – из авторитета, а Я не может быть источником морали. Этот тезис также очевиден в работах представителей социологии морального упадка, которые акцентируют негативные последствия для морали разрушения идеалов традиционного общества. Белла, Этциони и Макинтайр в соответствии с идеями Дюркгейма игнорируют тот факт, что эти идеалы могут быть также источником аморальных действий. Дюркгейм выделял функции религии в создании солидарных обществ, но не рассматривал дисфункции религии, тогда как религиозные убеждения могут стать резервуаром ненависти, насилия, геноцида, терроризма и войны, а также слепой покорности.

Хуквэй отмечает, что в социологии Дюркгейма мораль сводится к своим объективным социальным функциям, но при этом упускаются ее содержательные аспекты (между тем это может быть, к примеру, мораль нацизма). Поэтому мораль нельзя приравнивать к конформности, подчинению, соблюдению норм в соответствии с представлениями большинства. Функционалистская точка зрения, против которой направлены статьи Хуквэя, присуща всем представителям теории морального упадка, единодушным в том, что индивид должен подчиняться групповым нормам. Вопрос, однако, состоит в том, замечает автор, кто устанавливает эти групповые нормы и диктует свою волю. Поэтому он рассматривает современного индивидуализированного человека, обладающего свободой выбора, как полноправного морального агента, который может полагаться на свои моральные чувства и свое Я и поддерживать моральный порядок общества посредством практик самосовершенствования и совладания со своими разрушительными импульсами и эмоциями. Хуквэй убежден, что критический пересмотр социологии морали Э. Дюркгейма и отказ от воспроизведения ее основных положений современными социологическими концепциями мо-

рального упадка позволят по-новому взглянуть на современный моральный индивидуализм [008, с. 10–12].

О.А. Симонова

2014.04.009–011. СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В «ЭПОХУ МОЗГА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НЕЙРОИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРАХ МОРАЛИ И ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ¹. (Сводный реферат).

2014.04.009. O'CONNOR C., JOFFE H. How has neuroscience affected lay understanding of personhood? A review of the evidence // Public understanding of science. – Thousand Oaks (CA), 2013. – Vol. 22, N 3. – P. 254–268.

2014.04.010. SCHIRMANN F. Badness, madness and the brain – the late 19 th-century controversy on immoral persons and their malfunctioning brains // Theory of human sciences. – L., 2013. – Vol. 26, N 2. – P. 33–50.

2014.04.011. SCHIRMANN F. Invoking the brain in studying morality: A theoretical and historical perspective on the neuroscience of morality // Theory a. psychology. – L., 2013. –Vol. 23, N 3. – P. 289–304.

Ключевые слова: история науки; нейроисследования морали; моральный мозг; моральное сознание и церебральные процессы; обыденное сознание и нейронаука.

В реферате нашли отражение статьи европейских психологов, посвященные содержательному и методологическому тренду двух последних десятилетий в обществознании и психологии, известному как «поворот к головному мозгу». Конец XX – первая декада XXI столетия ознаменовались пристальным вниманием социальных наук к нейрофункционалированию и биоанатомической структуре человеческого мозга, который все чаще рассматривается как ключевой фактор не только биологического развития индивида, но и его социального поведения, включая мораль, культурные ценности, нормы общежития и права, межличностные и даже меж-

---

¹ Реферат подготовлен в рамках исследовательского проекта «Интеграция социобиологических и социологических методов в исследовании эволюционных оснований морали и альтруизма (в приложении к российским сообществам)», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 14-06-00381 а).